

Нарицин Леонид
Николаевич

Ветеран Ленинград
г. Ленинград

12 MAR 1965

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

нять любую формалистику вступил в силу.

Этот небольшой эпизод остался в памяти, наверно, потому, что как-то подтолкнул к верной дороге. Если главному предстояло решать тончайшие вопросы художественного творчества, то он, директор, был призван совершенствовать жизнь коллектива во всем ее объеме — от высоких эстетических принципов до выполнения финансового плана, до обыкновенных бытовых взаимоотношений, наконец. То, что пришло за таким выводом, оказалось для многих в театре и неожиданным, и радостно-важным.

Решались пенсионные дела. Актриса, в прошлом очень известную, но теперь заметно не успевающую за темпом товстоноговского театра — сказывался возраст, — художественный совет решил проводить на заслуженный отдых.

— Это несправедливо! — в гневе заявила она Наричину. — Это наконец оскорбительно!

Директор, как и она, расстроенный и расстроенный разговором, молча выдержал этот бурный натиск. И вдруг негромко сказал, что никогда не забудет ее блестящей игры в одном горьковском спектакле. И вместе вспомнили, что тому уже с четверть века. И вместе вздохнули, удивившись столь быстрому бегу времени.

— Я родился в девятнадцатом, — задумчиво сказал Наричин. — В один год с нашим БДТ. Но поглядите, как он молод, театр. А я... И провел рукой по седоющим волосам.

— Наверно, есть непреложная истина: не стареет лишь то, что непрерывно обновляется. Человеку это, к горькому сожалению, не дано.

Они говорили долго, и гнев у актрисы стихал. Но, прощаясь с директором, она сказала упрямо:

— А жаловаться я все же буду! Буду!

Примерно через месяц Наричин получил от нее письмо: жаловаться не ходила и не пойдет, все поняла, благодарит за тот разговор...

Так узнавал он людей театра, беззаветно влюбленных в свое дело и потому с кровью сердца расстающихся с ним. Узнавал беспоощдно строгих к себе, всегда беспоконных, готовых к любым испытаниям ради одного — чтобы владеть на сцене думами, надеждами, тревогами и радостями зрительного зала. Узнал, впрочем, и таких, что пришли к нему с шепотком. Этих двоих-трех твердо проводил до дверей, попросив в следующий раз говорить в полный голос. Теперь на собраниях ему аплодировали не из одной только вежливости: зоркость и справедливость директора были оценены. Это проявилось даже в такой волнующей эпопее, как распределение новых квартир, где

директор принимал во внимание все, кроме чина и звания претендентов.

А он был все еще недоволен собой.

Но вот однажды (готовился спектакль «Горе от ума») Товстоногов попросил директора побеседовать с актером, огорченным тем, что ему не дали роли Чацкого. Слушая горячие доводы артиста («Я так давно мечтал об этой роли!», терпеливо раскрывая перед ним замысел постановщика, видевшего Чацкого совсем другим — не тем, какому мог сыграть (впрочем, тоже хорошо) этот талантливый исполнитель, Наричин как-то вдруг понял, что спор, обещающий быть и трудным, и долгим, может быть закончен в две-три минуты.

— Послушайте, — сказал Наричин, — режиссер утверждает, что спектаклю вы нужнее в другой роли, в ней должны раскрыться и новые, не известные вам самому качества вашего дарования. Почему, в конце концов, по-доброму, по-человечески не помочь ему в этой надежде?

Актер даже удивился. Если дело принимает такой оборот, то он, пожалуй, сердечной глухотой никогда не страдал. Помолчал и подумав, отправился в репетиционный зал.

Он сыграл эту, другую роль с таким блеском, что потом сам не мог понять, почему от нее отказывался.

Нет, конечно же, не один только этот случай утвердил Наричина в мысли, как жизненно необходима любому коллективу — будь то завод или театр — устойчивая атмосфера доброты, всеобщей благожелательности и обыкновенного человеческого участия. И ключевая позиция руководителя — во всемерном распространении именно такой живой атмосферы, улучшающей любое творческое дело.

Но быть просто добреньким он тоже никак не хотел. Когда один

очень способный и нужный театру актер, с трудом где-то выиссанный и введенный в труппу, позволил себе явиться на первый же спектакль навеселе, он был немедленно уволен. И директор — добрый директор! — не вступая ни в какие объяснения, поставил под приказом свою неумолимую подпись.

И остался на своей ключевой позиции в другом случае. В Румынии, где театр был на гастролях, Наричин получил телеграмму: «У актрисы Н. в Ленинграде тяжело заболел ребенок». Директор навел справки: самолет из Бухареста отправлялся только на завтра утром. Можно было бы сразу обрушить на мать известие о беде. Но зачем? Чтобы человек лишние и долгие часы бессильно томился в горе и неизвестности?

Наричин ничего не сказал актрисе. Вечером было радостное событие — правительственный прием для труппы. Отправив туда всех, в том числе и Н., он поехал в посылку оформлять ее документы на выезд. Только утром директор, сам уставший от волнения, пришел в ее номер, рассказал все, отдал билет на самолет:

— Вылетает через полтора часа. Собирайтесь. И полно горевать без пользы — все будет в порядке.

Так и было...
...Я хожу по театру, беседую с его людьми, узнаю все эти факты и истории, связанные с личностью Леонида Николаевича Наричина, которого коллектив Академического Большого драматического театра имени М. Горького выдвинул кандидатом в депутаты Горьковского Совета. Говорят о директоре с уверенностью, созревшей, как видно, прочно:

— Он помог нам во многом. Каждый стал как-то мягче, сердечнее, талантливее на чувстве, что ли... А с таким нравственным самочувствием, сами понимаете, как работаете...

— У директора обе двери кабинета открыты всегда и для всех. К нему можно прийти с любым делом — обязательно поможет... Выдвигаем его в Горсовет уже второй раз.

И еще так:

— У него много обязанностей: председатель ревизионной комиссии Ленинградского городского партийной организации, директор театра, председатель нашего художественного совета. И прежде всего — хороший человек. А это, как известно, главная на земле должность...

ЗА ОКНОМ разгорается спокойная вечерняя синева. Театральный радиоузел деловито, но удивительно приветливо обращается к актерам: «Добрый вечер! До начала спектакля осталось десять минут...» Недели раньше эта деталь осталась бы в памяти просто деталью. А сейчас, после всех разговоров, властно встала в заглавие очерка...

И. КНЯЗЕВА